

АНДРЕЙ КУРКОВ

ГЕОГРАФИЯ
ОДИНОЧНОГО
ВЫСТРЕЛА

Харьков
«ФОЛИО»
2017

Глава 1

Перебрехивались через дворы сельские псы, гремя цепями и возвещая наползающий сверху вечер. Кто-то тупым топором колол дрова, готовясь к грядущей зиме. С дальнего края села доносилась пьяная мужская ругань. Голос был до того осипший, что от него самого на расстоянии шел сивушный запах. Под потолками изб вспыхивали лампочки Ильича, но светили они не ровно, а как-то волнообразно, подчиняясь своенравному электрическому потоку, который по проводам, жужжащим от напряжения, забирался в каждую колхозную семью, как невидимый тайный враг.

Горела такая лампочка и на центральной площади села, как раз между клубом и правлением колхоза. Свет от нее колыхался то в одну сторону, то в другую, раскачиваемый несильным в ту пору ветерком. И прямо в этот колышущийся свет вывалила из клуба подделовому шумливая толпа колхозников. Прошла сквозь него и разбрелась по домам, неся в каждый дом новые мысли и новый смысл продолжающейся по-старому жизни.

Устало ступал к своему дому и Павел Добрынин — человек своенравный, как электричество, но на удивление честный и из-за этого в колхозной округе нелюбимый. Ступал и дивился, как тяжело давался ему этим вечером каждый шаг. Дивился, как трудно было дышать и как враз потускневшие, словно пристыженные, звезды едва-едва мерцали на безоблачном небе. Так и шел он, медленно, растягивая во времени свой путь, слушая неорганизованный собачий хор и выделяя в нем лай своего пса Дмитрия, а по-простому — Митьки. Пес Митька в чем-то был похож на хозяина, должно быть в том, что ни одна сельская собака его не жаловала, хоть и сторожем, и кобелем он был отменным.

Скрипнула калитка, и еще громче и радостнее залаял пес, учуяв хозяина.

Зайдя во двор, Павел не заспешил в дом, а подошел к окну, да так и замер, глядя, как его любимая жена Маняша укачивает на руках трехмесячного Петьку. Постояв так некоторое время, Павел

перевел свой взгляд на небо и, дождавшись падения какой-то, по видимому не очень важной и нужной, звезды, загадал сокровенное желание и только тогда открыл дверь и вошел в дом.

Жена бессловесно обрадовалась, увидев мужа. Стояла, смотрела, как он стаскивает с ног сапоги. Потом, спохватившись, метнулась к печке и сунула поближе к жару чугунок с мужниным ужином.

— Ну, о чем на собрании говорили? — нарушила уютную домашнюю тишину Маняша.

Павел тяжело вздохнул. Помолчал, потом все-таки произнес, старательно подбирая слова:

— Трудную честь мне оказали...

— Как это? — напуганная непонятной фразой мужа, спросила жена. Павел перевел дух, сгорбился, присел за стол.

— Контролером меня выбрали.

— Это в колхозе, что ли?

— Нет. — Павел мотнул головой и снова вздохнул. — В целой стране.

— Как же это?

— Да вот, возьми, прочитай! — Павел протянул ей бумажку со значительной лиловой печатью правления колхоза.

— Прочитай сам, — попросила Маняша. — Я ж, знаешь, не больно грамотная...

— «Сим удостоверяется, что Павел Александрович Добрынин на общем колхозном собрании выбран бессрочным трудовым контролером всего в Советской стране. Ему присвоена должность «народный контролер», и подчиняется он непосредственно высшему руководству страны. Руководители учреждений и заводов, подвергаемых контролю, обязаны кормить народного контролера и оплачивать его труд согласно его потребностям и затраченному на контроль времени».

— Как же это? — спросила Маняша, а в глазах уже заблестели слезы. — Как же это? Ведь значит усылают тебя! Господи! Это ж они нарочно усылают тебя!

— Да нет, — протянул неуверенно Павел. — Это честь... Выбрали ведь. Потом сменят, тогда и вернусь... А ты детишек береги.

Услышав про детишек, Маняша разрыдалась, и, проснувшись из-за этого, закричал-заплакал вместе с ней и трехмесячный Петька.

Павел сам почувствовал, что вот-вот нальются и его глаза слезами, и сжал посильнее кулаки, чтобы хотя бы так сдержаться.

Утром он уходил. Из района прислали подводу. На облучке сидел старик-коротышка метра в полтора ростом. Курил самокрутку и поглядывал на порог дома, где Павел прощался со своей женой.

Прощание было тягостным. Маняша всю ночь не спала — собирала мужу котомку, и собрала-таки.

— Ну я пойду, — наконец решительно проговорил Павел, желая кончить разом все эти неизбежные страдания.

— Постой! — жена вдруг всплеснула руками и побежала за дом, к дровяному сараю.

«Чего она еще там?» — подумал Павел, но уже через полминуты увидел Маняшу снова. В глазах у нее по-прежнему были слезы, а в руках — топор.

— Вот, возьми в дорогу! — попросила она.

— Да ты чего? — удивился Павел. — Топор? На что он мне там?

— Возьми-возьми! — настаивала жена. — Как же ты там без ничего будешь, без инструмента... А если бандиты?

— Ладно. — Павел взял топор, забросил котомку на плечо и пошел к подводу.

Маняша шла следом, но шаг ее был сбивчив, дороги пред собой она не видела, потому как лицо закрывала руками и плакала. Оттого остановилась она где-то между домом и калиткой и застыла так.

— Ну, пшла! — рывкнул старичок-коротышка на свою лошадь, и застучали деревянные колеса по заезженной земляной дороге.

Глава 2

Солнце, обежав полукруг по небесному циферблату, окунуло лучи свои за край горизонта, туда, где начиналась бездна. А на земле, укутанной в вечернюю темень, всякая жизнь зевала, готовилась ко сну, возрождающему силы; и даже растения закрывали свои цветы, чтобы не кружились, жужжа, вокруг них насекомые, не испытывающие усталости и необходимости сна из-за скоротечности их жизни. Все останавливалось, все замирало, кроме движения воздуха, подталкиваемого дыханием людей и зверей.

И вот в этой тишине на землю опустился ангел. Опустился, огляделся по сторонам, и, убедившись в спокойствии окружающего мира, прилег на траву. Враз дала о себе знать усталость — ведь путь вниз не был легок и быстр. И, сомкнув глаза, ангел увидел сон, который и сном-то почти не был, потому что все, увиденное им, было воспоминанием об этом трудном дне, когда наконец решился он покинуть братьев и сестер своих, одетых в такие же белые одежды, как и он, покинуть Рай, чтобы опуститься на эту загадочную землю, огромную и таинственную, о которой никто из его теперь уже бывших собратьев ничего не знал, кроме того, что жители ее после смерти в Рай не попадают. Может быть, с этого странного

знания и началась его мечта о путешествии сюда, но не обычное любопытство заставило его пуститься в столь трудный путь — не верил он, что в такой большой стране нет праведников, но доказать это не мог, ведь если б были праведники, то и ворота Рая всегда были бы открыты для них. И вот, не веря в то, что для других жителей Рая казалось бесспорным, решил он опуститься сюда, найти настоящего праведника и, пройдя с ним его мирской путь до конца, ввести его в белые, украшенные жемчугами и алмазами ворота, ввести и получить от братьев и сестер своих прощение за то, что покинул он райскую землю самовольно и тайком.

А звезды разгорались ярче, пользуясь отсутствием дневного светила, которое тоже на месте не стояло и прошло уже до середины полукруг нижнего, невидимого отсюда, небесного циферблата.

И сон, который и сном-то не был, окончился, окунув ангела еще глубже внутрь себя, позволив ему слушать удары собственного сердца и плеск крови своей, текущей неспешно по его чистым венам.

И вдруг жаркое дыхание чужое потревожило его слух, и шепот, вкравшийся в уши, разбудил ангела.

— Товарищ... — шептал кто-то. — Товарищ, не спи!

Ангел открыл глаза и, приподнявшись, уселся на траве. Посмотрел на говорившего. Перед ним, опустившись на корточки, сидел кудрявый парень.

— Товарищ, — снова прошептал он. — Давай одеждой поменяемся! Я тебе еще буханку хлеба вдобавок дам. А? Идет?

Подивился ангел такому предложению. Посмотрел на одежду парня: зеленые штаны и такая же рубаша, на ногах — сапоги.

— Но у меня только такая одежда! — сказал ангел, приподняв белую тонкую ткань. — Тебе в ней не будет тепло.

— Ничего, — парень махнул рукой. — Ну что, сменяемся?

Ангел пожал плечами. Потом кивнул. Парень стянул рубаху через голову, потом стащил сапоги и штаны.

Ангел снял свою одежду.

— А как ее одевать? — непонимающе спросил парень, держа в руках белое одеяние.

— Там вырез для головы есть, — пояснил ангел.

Найдя вырез, парень просунул в него голову и расправил на себе белый ангельский наряд. Потом быстро обул сапоги.

— А обувь? — спросил ангел.

— Не-е, — протянул кудрявый парень. — Мы так не договаривались. Одежду на одежду сменяли, а сапоги — это не одежда, это сапоги...

— Ну ладно, — согласился ангел. — А скажи, такую одежду все здесь носят?

— Почти все, — парень кивнул. — Только я с гимнастерки петлицы оторвал...

— А что это — петлицы? — поинтересовался ангел.

— А-а, да ты не знаешь! Тогда лучше и не знать. Вот тебе хлеб, и счастливо оставаться!

Он положил на землю перед ангелом небольшую круглую буханочку, поднялся на ноги и пошел прочь.

Ангел смотрел ему вслед долго, потому как белое пятно его одежды светилось, удаляясь, среди деревьев и кустарников. Потом, когда парень совсем исчез в поглотившей его ночи, ангел взял в руки хлеб, преломил его и один ломоть поднес ко рту. Откусил, пожевал, и стало на душе тревожно. Хлеб был невкусным — совсем нельзя было сравнить его вкус с белой, выпекаемой в Раю паляницей. Во рту он разделился на какие-то комочки, разжевать которые было невозможно. И, в конце концов сплюнув неразжеванный хлеб на землю, пожалел ангел людей, этот хлеб едящих. Пожалел, вздохнул тяжело, как никогда прежде не вздыхал, и улегся лицом к небу. Улегся и стал ждать утра, чтобы при солнечном свете рассмотреть эту таинственную землю.

Вскорости утро наступило, разбудив птиц и все живое. Ангел встал и осмотрелся: видно стало ему, что оказался он в небольшом лесочке, где деревья росли не густо, а чередовались с невысоким кустарником. Вблизи увидел три узенькие тропинки, бегущие в разные стороны. Понял, что где-то рядом живут люди, по этим тропинкам ходящие. И пошел ангел по одной из них, чтобы к людям выйти.

А птицы пели так чудно, словно шел он по райскому саду. Впереди вдруг показались всадники. Было их не больше десятка: молодые, красивые, одетые в такую же зеленую одежду, какую сменял он этой ночью на свое белое одеяние.

Сошел ангел с тропинки, чтобы пропустить двигавшихся ему навстречу всадников. Но они, оказавшись рядом, окружили пешего странника и смотрели на него враждебно.

— Кто такой? — рявкнул один из них, покручивая правой рукой свой длинный ус.

— Ангел... — оторопело ответил пеший странник.

— А? Слыхали? — расхохотался вдруг усатый. Потом резко сменил выражение лица на злое. — А ну руки вверх, сволочь! Я тебя щас точно на небо отправлю, тогда и будешь ангелом!

И всадник вытащил из поясной кобуры тяжелый маузер, нацелился, а потом отклонился от своей руки в сторону, ехидно глядя на ангела, словно проверяя: испугался тот или нет.

— Почему вы убить меня хотите? — спросил озадаченный ангел.

— А почему на тебе военная форма с оторванными петлицами? Сам дезертир или убил кого из наших и снял потом? А? Отвечай живо!

— Одеждой ночью поменялся, — отвечал пеший странник. — Парень такой кучерявый, просил очень... Он мне еще хлеба буханку дал.

— Кучерявый?! — усатый всадник вдруг стал мрачным, как камень. — А ну дай-ка того хлеба!

Ангел протянул ломоть всаднику. Тот откусил, пожевал аппетитно и обвел всех прищуренным взглядом.

— Сергуньков? — спросил один веснушчатый паренек, что сидел на совершенно черной лошади.

— Да... — выдохнул усатый. — Эта падла! Теперь его хрен найдешь! Не-е, приятель, — повернулся всадник к ангелу. — Хватит болтать! Давай, с жизнью прощайся! Ты, видать, и сам дезертир, и дезертира спас!

И усатый всадник снова нацелил свой маузер на пешего странника.

— Но вы не можете меня убить, — проговорил ангел. — Меня вообще нельзя убить...

— Всех можно убить, — холодно, сквозь зубы проговорил усатый.

И спустил курок. Грянул выстрел, но ангел, выставив вперед ладонь, остановил пулю, и застыла она в воздухе прямо перед белой ладонью, а всадники, раскрыв рты, смотрели на нее. И ангел смотрел на нее, и взгляд его становился все холоднее и холоднее.

— Если уж ты вырвалась в мир, — заговорил он, глядя на пулю, — то не будет от тебя спасенья ни одному человеку, пожелавшему зла другому, и если все на этой земле злом объединены, то и погибнут все, а если не все — то останутся в живых только добра друг другу желающие. А если тебе самой надоест убивать, то убей праведника, и станет он последним, а ты останешься в нем.

И, произнеся это, опустил ангел руку, и пуля, бжикнув, понеслась куда-то не высоко и не низко над землей, пробивая и листья, и стволы деревьев.

Пораженные всадники стояли неподвижно, и даже лошади их, казалось, затаили дыхание.

Ангел развернулся и пошел, понуря голову, по тропинке в том же направлении, что и до встречи с этими людьми, пошел вслед за пулей.

Горечь испытывал он от происшедшего, и уже сожалел о том, что свою силою отправил нацеленную на него пулю творить суд. Но остановить ее он уже не мог, как не смог бы слово в слово повторить то, что когда-либо говорил, или второй раз прожить то, что однажды уже было прожито.

